

Онейрический символизм
и мультиполярная субъективность
в феноменологической онтологии
М. Мерло-Понти

Глеб И. Демин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, demin94@gmail.com*

Аннотация. В лекционном курсе 1954–1955 гг., посвященном проблеме «пассивности» в феноменологической философии, М. Мерло-Понти уделяет много внимания «бессознательному» как «открытию Фрейда». Подходы к бессознательному философ находит, анализируя феномены сновидения, памяти и др. на материале описаний З. Фрейда и предлагая собственную терминологию и интерпретации психоаналитических наблюдений. Мерло-Понти ставит перед собой задачу преодолеть ограниченность оригинальных прочтений психоаналитического открытия, обусловленную, среди прочего, опорой теоретических моделей Фрейда на классическую картезианскую концепцию субъективности. В статье мы рассмотрим теорию «онейрического символизма»: области «мифического» смыслопроизводства, само феноменальное бытие которого – на границе между бессознательным и сознанием, активностью и пассивностью, субъектом и миром – подталкивает Мерло-Понти к пересмотру классических онтологических моделей. Мы покажем, для решения каких фундаментальных проблем феноменологической онтологии Мерло-Понти привлекает концепцию «онейрического символизма», к каким выводам ему удастся прийти с ее помощью, а также кратко охарактеризуем взаимное отношение моделей субъективности, предлагаемых феноменологической онтологией и психоанализом Фрейда.

Ключевые слова: бессознательное, феноменологическая онтология, символизм, сновидение, онейризм, хиазм, пассивность, Мерло-Понти, Фрейд

Для цитирования: Демин Г. Онейрический символизм и мультиполярная субъективность в феноменологической онтологии М. Мерло-Понти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 1. С. 60–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-60-75

Oneiric symbolism and multipolar subjectivity in M. Merleau-Ponty's phenomenological ontology

Gleb I. Demin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
demin94@gmail.com*

Abstract. In the lecture course of 1954–1955, dealing with the issue of “passivity” in phenomenological philosophy, M. Merleau-Ponty pays much attention to the “unconscious” as “Freud’s discovery”. The philosopher finds approaches to the unconscious by analysing the phenomena of dreaming, memory, etc. on the basis of Freud’s descriptions and offering his own terminology and interpretations of psychoanalytic observations. Merleau-Ponty sets out to overcome the limitations of the original readings of psychoanalytic discovery due, among other things, to the reliance of Freud’s theoretical models on the classical Cartesian concept of subjectivity. In this article, we will consider the theory of “oneiric symbolism”: an area of “mythical” sense-formation, which very phenomenal existence – at the boundary between unconscious and consciousness, activity and passivity, subject and world – pushes Merleau-Ponty to revise classical ontological models. We will show for what fundamental issues of phenomenological ontology Merleau-Ponty uses the concept of “oneiric symbolism” and what conclusions he manages to reach with its help, and briefly characterise the mutual relation between the models of subjectivity offered by phenomenological ontology and Freudian psychoanalysis.

Keywords: unconscious, phenomenological ontology, symbolism, dream, oneirism, chiasm, passivity, Merleau-Ponty, Freud

For citation: Demin, G. (2024), “Oneiric symbolism and multipolar subjectivity in M. Merleau-Ponty’s phenomenological ontology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 60–75, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-1-60-75

Введение

Во второй части лекционного курса 1956–1958, 1959–1960 гг., посвященного понятию «природы» в истории мысли¹, М. Мерло-Понти, рассматривая столкновение финализма и функционализма –

¹ *Merleau-Ponty M. The Concept of Nature, 1957–1958: Animality, the Human Body, and the Passage to Culture // Merleau-Ponty M. Nature. Course Notes from the Collège de France. Evanston: Northwestern University Press, 2003. P. 123–190.*

двух противопоставленных объяснительных моделей развития организма, – формулирует свой собственный философский ход в отношении рассматриваемой проблемы:

Рассматривая живой организм, мы не должны ни «платонизировать», ни «аристотелианизировать», удваивая реальность, предстоящую нашему взору, и не разрешая при этом проблемы. Будущее организма не существует в качестве совокупности его потенций, сложенных у истока его органической жизни, словно в скорлупке. <...> Необходимо избежать двоякой ошибки, когда, располагая феномен позитивного принципа (идеи, сущности, энтелехии) позади нас, мы упускаем целостность регулятивного принципа. Необходимо разместить в организме принцип, который будет негативным или будет основан на отсутствии. Мы можем сказать, что каждый момент собственной истории животного пустует в отношении того, что ему последует – пустота, которая будет восполнена позже. Всякий момент настоящего находит поддержку в будущем, которое больше любого будущего².

В этом пассаже находит свое выражение ход мысли, характерный для Мерло-Понти и представляющий особого рода «триангуляцию»: берутся две точки отсчета (в цитате выше это аристотелианский финализм, полагающий «целевую» причину первичной в отношении к развитию организма, и механицизм, отрицающий целиком телеологический характер развития организма) – и далее на основе последовательной критики обеих сторон оппозиции предлагается третий путь, призванный преодолеть саму онтологическую ситуацию, в которой дихотомическое противоречие интерпретаций мыслилось неизбежным.

В рассмотрении развития организма ключом к переходу в новую парадигму служит для Мерло-Понти понятие «поведения», которое он вычитывает из современных ему работ таких теоретиков развития, как А. Гезелл и Д. Когилл³, а также концепция «жизненного мира» (Umwelt), введенная в теоретический оборот Я. Иксюлем. Поведение организма, взятое в качестве феномена, присущего целостности, тотальности бытия его развитой формы (в рассматриваемых работах речь идет о развитии аксолотля, личиночной формы земноводных из семейства амбистомовых), как указывает философ, не может быть сведено ни к «простому архитектурному эффекту»⁴, производимому телеологически устремленным

² *Merleau-Ponty M.* Op. cit. P. 155.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 151.

организмом в процессе реализации очередного внутримирного целеполагания («финализм»), ни к «снопу функций» организма как совокупности биологических механизмов, действующих строго в рамках развертывания внутренней телеологии собственного устройства, без всяких целей и отношения к миру («механицизм»).

Согласно Мерло-Понти, понимание проблемы развития, к которому подталкивает концепция «поведения», предполагает такую модель, в которой

...в угоду инициативе, эндогенной организму, последний намечает собственное будущее, формируя набросок собственного «жизненного мира» (*Umwelt*); он [набросок] содержит в себе проект, с которым будет соотнесено целое его [организма] жизни⁵.

Речь идет о модели, принципиальной особенностью которой выступает взаимовключенность и взаимопереплетенность двух сторон предшествующей оппозиции, в данном случае механицизма и финализма: в то время, как различные ткани, органы и системы демонстрируют «эндогенную инициативу», в своем функционировании они оказываются приспособлены в соответствии с проектом собственного *Umwelt* организма; поведение аксолотля формирует набросок мира, который организму суждено будет населить и освоить.

Переосмысление проблемы развития организма посредством критики устоявшихся моделей понимания причинности («финализм» и «механицизм»), предложенное Мерло-Понти, продолжает линию размышлений о преодолении принципиальных ограничений так называемой «аристотелевско-картезианской» онтологии – одну из центральных тем поздних работ философа. Позже, в посмертно опубликованном «Видимом и невидимом»⁶, над оригинальным текстом которого Мерло-Понти работал в 1958–1959 гг., онтологический и эпистемологический прием, позволяющий осуществить субверсию традиционной постановки вопроса о причинности, будет связываться с известным понятием «хиазма» и теми перспективами, которые «хиазматическое», не-наивное к условностям и принципиальным ограничениям «картезианской онтологии» мышление открывает перед философом⁷. Принципиальная новизна позднего проекта феноменологической онтологии проявляется в пересмотре модели отношения субъекта и мира: на смену контррарному противо-

⁵ Ibid.

⁶ *Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible*. Evanston: Northwestern University Press, 1968. 282 p.

⁷ См.: [Fóti 2009].

поставлению, характерному, по мысли Мерло-Понти, в том числе и для феноменологического проекта Э. Гуссерля, приходит концепция взаимовключенного, переплетенного со-бытия⁸, где специфическое взаимодействие полярностей оказывается первично и конститутивно в отношении существования каждого из полюсов.

В современных исследованиях предпринимаются попытки продемонстрировать, как тема перехода от «картезианской» к «хизматической» онтологии обнаруживает себя уже в ранних работах Мерло-Понти, таких как «Структура поведения» [Muller 2017]. В нашей статье мы обратимся к материалам более позднего, но гораздо менее освоенного как в отечественной, так и в зарубежной литературе лекционного курса Мерло-Понти, посвященного проблеме «пассивности» в феноменологической философии⁹. Мы покажем, как в работе над текстами З. Фрейда, посвященными исследованию феномена сновидения, Мерло-Понти разрабатывает оригинальную концепцию «онейрического символизма»: области «мифического» смыслопроизводства, само феноменальное бытие которого – на границе между бессознательным и сознанием, активностью и пассивностью, субъектом и миром – подталкивает философа к выработке оригинальных онтологических моделей, которые в дальнейшем лягут в основу позднейшего проекта феноменологической онтологии.

Сон и сновидение

Прежде чем перейти к обсуждению темы сновидения, Мерло-Понти ставит вопрос о состоянии сна как таковом: «Что значит для сознания – спать? Как возможен сон?»¹⁰. Мерло-Понти отвергает теорию сна как телесного факта и предлагает рассматривать сон в качестве поведения, причем поведения интенционального: «2) Сон как поведение – значение предстоит отыскать, исследуя его интенции»¹¹. Мерло-Понти исследует интенции сновидения, сравнивая пробужденное и спящее сознание на материале дескрипций Ж.-П. Сартра¹².

⁸ *Entrelacement*. См.: [Lawlor 2002].

⁹ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity: Sleep, The Unconscious, Memory // Merleau-Ponty M. Institution and Passivity: Course Notes from the Collège de France (1954–1955)*. Evanston: Northwestern University Press, 2010. 310 p.

¹⁰ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity*. P. 138.

¹¹ *Ibid.* P. 139.

¹² *Sartre J.-P. L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination*. Paris: Gallimard, 1940. 246 p.

Тезисно изложим те выводы, к которым приходит философ. Во-первых, отход ко сну необходимо рассматривать в качестве акта, обладающего характером активного приведения пассивности в действие:

Когда я ложусь [спать], я что-то делаю, я не просто жду сна, но отдаю себя сну – попустительство. Но я не вызываю собственного засыпания; намерение спать препятствует засыпанию. <...> Я призываю сон, но это он приходит ко мне¹³.

Отношение волевого намерения со стороны Я и сна, который в конечном счете является тем, что приходит или отказывается приходиться, по мысли Мерло-Понти, конституирует модель именно того отношения «латеральной пассивности»¹⁴, которое составляет предмет его рассмотрения на протяжении всего курса. Акт «попустительства» Мерло-Понти сравнивает с актом сексуального соблазнения, где тот, кого соблазняют, будет активен лишь постольку, поскольку он сам оказывается пассивно захвачен чарами соблазнителя¹⁵. Речь идет не о подчинении другому, но и не об исполнении собственного решения в качестве проекта, чье будущее заранее определено и приводится в исполнение со стороны активного Я: случается не то, что было решено, но то, чему было позволено случиться. Настоящее такого решения, согласно Мерло-Понти, – не исходная точка направленного к цели вектора, но «колыбель будущего»¹⁶, место, где для возможного открывается перспектива.

Во-вторых, акт отхода ко сну, где сон приходит в ответ на позволение со стороны активного Я, следует рассматривать как событие, в котором бодрствующее (воспринимающее) сознание позволяет

¹³ Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 142.

¹⁴ *passivité latérale*; «латеральную» пассивность Мерло-Понти противопоставляет пассивности «фронтальной». «Фронтальная пассивность» – это, в частности, пассивность субъекта, сведенного к субъекту сознания, перед лицом его «бессознательного» как совокупности его личного прошлого. Она мыслится как абсолютно определяющая его возможное будущее и настоящее, и, таким образом, целиком противопоставленная субъекту активного смыслопридания в духе трансцендентальной субъективности Гуссерля: «Пассивность никогда не фронтальна, как это [полагается в] реализме, но всегда имеет боковой характер, другими словами – субъект опознает себя продолжающим определенный *Stiftung*, определенную перспективу». См.: Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 135.

¹⁵ Ibid. P. 142.

¹⁶ Ibid.

«очаровать» себя сознанию воображающему¹⁷. Сознание, пребывающее в очарованном состоянии, утрачивает способность отделять воображаемое от реального. Реальность бодрствующего сознания с необходимостью включает в себя воображаемые элементы, выступая в качестве особого рода игры двух регистров. Воображаемая же реальность сновидения, лишенная игровой диалогичности, предстает как нечто более реальное, чем сама реальность воспринимающего бодрствования:

Сновидение – это воображающее сознание, которое верит, что его фантазм есть «крайняя точка мира», которое утратило всякий контроль со стороны реальности и для которого последняя, соответственно, «целиком на кону»¹⁸.

Мерло-Понти подчеркивает, что, с одной стороны, ничто во сне не воспринимается в качестве «реальности» даже со стороны самого сновидящего – однако именно потому, что дистанция между сновидящим и его сновидением отсутствует, сновидение выступает в качестве «псевдо-мира»¹⁹, особого рода пространства, где «всякая интенция увидеть [нечто] тут же становится видением»²⁰, что придает соответствующему феноменальному опыту характер «Судьбы, одновременно произвольной и своенравной: мы видим то, что хотим видеть»²¹.

Разделение двух типов сознания в том виде, в котором оно осмысливается Сартром, открыто признающим позитивное бытие лишь бодрствующего сознания и предписывающим воображающему сознанию характер «ложного» и «безумного» сознания, сознания «небытия» и т. п., принципиально не устраивает Мерло-Понти. Он задается вопросом, насколько мы можем вслед за Сартром мыслить различие бодрствующего и сновидящего сознания в концептуальной рамке «воспринимающего» и «воображающего» сознания, в понятиях «бытийного» сознания и сознания «ничто»²². Мерло-Понти отказывается видеть в той «фикции», которую предъявляет сознание сновидения, лишь «небытие», чистую «игру воображения»: сновидение не обладает характером «воображаемого»

¹⁷ Здесь разделение между «воспринимающим» и «воображающим» сознанием Мерло-Понти перенимает у Сартра.

¹⁸ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity.* P. 144.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.* P. 146.

мира, поскольку оно лишено какого-либо критерия проверки реальности, какого-либо «заднего плана бытия [или] восприятия»²³. Различие воспринимающего и воображающего сознания уместно там, где речь идет об объекте чувственного восприятия со стороны живого тела: объект либо будет, либо не будет наблюдаться; однако как пробужденная жизнь, так и жизнь сновидения состоит не из объектов чувственного восприятия, но из «поведений, событий, анекдотов»²⁴ – и, таким образом, ни к той ни к другой критерии «наблюдаемости–ненаблюдаемости» не могут быть применены в полной мере: «...даже в рамках пробужденного сознания мы не наблюдаем нашего собеседника прежде того, чтобы понимать, что он говорит, и отвечать ему»²⁵.

Мерло-Понти возвращается к тезису о повсеместном взаимопроникновении двух типов сознательной жизни:

Наша реальная жизнь постольку, поскольку она обращена к другим существам, уже воображаема... Таким образом, существует онейризм бодрствования, и, соответственно, квази-перцептуальный характер сновидений – мифическое²⁶.

Насколько воспринимаемый мир не является сферой истины как соответствия высказывания и вещи, воображаемый мир не является регионом лжи или обмана. Более того, сама идея соответствия в качестве критерия «бытийности» опыта неприменима к человеческому миру, по мысли Мерло-Понти. Чтобы пояснить это заключение, Мерло-Понти обращается к психоаналитическим концепциям проекции и интроекции²⁷:

Восприятие других ложно настолько же, насколько ложно изображение, в том смысле, что и то и другое есть проекция и интроекция, что они [оба] предлагают мне изображение самого себя настолько же, насколько и других, – и что в нем я также в основном вижу лишь то, что хочу [видеть]²⁸.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 147.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Проекция, интроекция // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. С. 379, 172.

²⁸ Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 147–148.

Мерло-Понти снимает оппозицию воспринимающего и воображающего сознания, определив человеческое восприятие как с необходимостью включающее воображаемые элементы, в частности – систему проекций и интроекций, а также «желание» как форму персонального схематизма редукции поля видимого.

В чем же в таком случае состоит различие бодрствующего сознания и сознания сновидения? Как ухватить природу работы того «мифического», что находит место как в воображаемом пробужденного Я, так и в сознании сновидения? Аналогично рассмотренному во введении примеру, где концепция «поведения» призывалась на помощь в преодолении дихотомии механицизма-финализма, Мерло-Понти отвечает на вызов дихотомии субъективизма-пассивизма²⁹, предлагая собственную концепцию «онейрического символизма», нацеленную на трансформацию понимания самой сути отношений бессознательного-сознания, активности-пассивности, обретающих в контексте авторской феноменологической онтологии место не противопоставленных, но взаимовключенных и «хиазматически переплетенных» полей.

Онейрический символизм

Природу этого «мифического», онейрического модуса функционирования сознания Мерло-Понти предлагает исследовать, рассматривая тему символизма сновидения. Символизм сновидения, который Сартр понимает лишь как игру фикции, лишенную подлинного характера бытия, а Фрейд, напротив, рассматривает в качестве целенаправленного обмана (плодов компромисса между давлением влечений Оно и работой «цензуры сновидения»), Мерло-Понти предлагает рассматривать в качестве особого, «импрессионального» модуса мышления³⁰.

Он разделяет сон и сновидение: первый связан с телом, для которого сон означает переход от «дифференцированного» состояния

²⁹ Пример субъективизма – классическая модель трансцендентальной субъективности Э. Гуссерля. Ярким примером «пассивизма» выступает в «Проблеме пассивности» понимание историчности субъекта со стороны вульгарного психоанализа, для которого «Я – [целиком] то, чем мое прошлое меня сотворило». См.: *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity*. P. 118.

³⁰ У Фрейда речь будет идти о различии «первичного» и «вторичного» процессов. См.: *Фрейд З. Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Фирма СТД, 2006. С. 588.*

бодрствующего тела к «дедифференцированному» состоянию тела спящего³¹, тогда как второе Мерло-Понти предлагает определить не в качестве игры свободного от оков реальности «воображающего» сознания, но как развертку такого региона, в котором доминирует символизм, причем в качестве «компромисса между активным и дедифференцированным телом»³².

Соглашаясь с идеей Фрейда, Мерло-Понти утверждает, что сновидение выступает хранителем сна и в то же время – связующим звеном, сохраняющим связь спящего дедифференцированного тела с миром, от которого оно стремится полностью отвернуться, сохраняющим мир «на дистанции». Мир для субъекта ни устраняется полностью, ни сохраняется в неизменности, но выступает как способ бытия «в расхождении» между непосредственным присутствием в мире и чистым отсутствием.

Сновидение, понятие как способ обитания «в расхождении» дифференцированного мира бодрствования и дедифференцированного мира «чистого» сна, позволяет Мерло-Понти говорить о пассивности онейрического бытия. Если кошмар в сновидении приводит к прерыванию сна, можно говорить о наличии связи между сновидением и «тревогами, драмами моей жизни»³³. Сновидение как компромисс между состоянием глубокого сна и бодрствования означает для Мерло-Понти, что речь в символизме сновидения идет не о произвольной игре свободного от оков «воображающего» *Sinnggebung*, но о двойном смещении по отношению к бодрствующему модусу сознательного функционирования: с одной стороны, наблюдается «частичное снятие барьера официальной личности, преобладание непосредственного желания, достигаемое благодаря дистанции с миром», однако, с другой стороны, можно говорить о наличии «контроля над этим желанием, которое, будучи открыто манифестировано, спровоцировало бы тревогу и пробуждение»³⁴. Против концепции Сартра, согласно которой сновидению как лишенному бытия модусу чистого «воображающего» смыслопридания присуща свобода в смысле безграничной произвольности *Sinnggebung*, Мерло-Понти выдвигает концепцию «полу-подавленного, полу-прегражденного» смыслопридания как «частичного функционирования машины означивания»³⁵. Для такого смыслопридания характерно не только всемогущество воображаемой

³¹ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 148.*

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid. P. 149.*

³⁵ *Ibid. P. 150.*

произвольности, но и бессилие – как перед лицом заранее установленных связей в ткани персонального смысла, которые не должны быть прямо обнажены, дабы не вызвать тревоги и пробуждения, так и перед лицом той работы «пролиферации смыслов», которая всякий раз направляет сновидение путями желания, исполненными риска тревоги и пробуждения.

Следуя мысли Фрейда, Мерло-Понти выделяет два «экзистенциала», которым онейрический символизм служит в своем функционировании: «1) недавние события, 2) постольку, поскольку они вторят событиям прошлого»³⁶. Такое функционирование, согласно Мерло-Понти, ограничивает регион сознательной жизни, в котором сознание перестает с необходимостью выступать в привычной феноменологической форме «сознания чего-то», вместо этого конституируя приватную сферу «мира-для-меня», прикосновением которой отмечено не только само сновидение, но и та «воображаемая» часть бодрствующей жизни, о которой ранее шла речь. Однако кто в таком случае выступает субъектом этого онейрического смыслопроизводства, объединяющего реальность и сновидение?

Мерло-Понти предлагает рассматривать не сознание, но сам «символизм» в качестве такого субъекта:

«Внутренний монолог» – предельно приблизительный способ сказать об онейризме. <...> «Безмолвная речь» представляет образование, состоящее из моих отношений с другими и их отношений между собой. Где она действует? Кто проговаривает ее? Кто сновидит? Сны нужно рассматривать как модальность жизни; в таком случае, кто живет? Символизм сновидения и жизни, общий субъект их обоих (но не сознание)³⁷.

Символизм как субъект представляет ход дегуманизации субъективности³⁸: Мерло-Понти не просто предпочитает монадической субъективности Гуссерля расщепленную субъективность Фрейда, но идет дальше, предлагая такое прочтение психоаналитических наблюдений, в котором на смену дуализму бессознательного-сознания приходит концепция многополярной, диалогической субъективности.

³⁶ *Merleau-Ponty M.* Op. cit. P. 150.

³⁷ *Ibid.* P. 151–152.

³⁸ «Выражение “антигуманистический гуманизм” может целиком характеризовать окончательную философию Мерло-Понти...» [Lawlor 2002, p. XX].

Бессознательное и мультиполярная субъективность

Мерло-Понти отмечает, что открытие Фрейда, открытие «бессознательного», часто трактуют, в контексте обсуждения темы сновидения, как открытие второго смыслового слоя или второго текста, «скрытого текста», прячущегося за фасадом «явного текста» сновидения. Согласно Мерло-Понти, в подобном прочтении находки Фрейда утрачивают свою подлинную сущность. Подобное прочтение предполагает, что герменевтика явного текста открывает для нас скрытый текст как оригинальный, как подлинный и изначальный поток мышления, субъектом которого выступает «бессознательное». Вследствие воздействия со стороны сил «цензуры», оперирующей посредством сгущения и смещения, «скрытый текст» был трансформирован в тот конечный продукт, который Я наблюдает в качестве собственного сновидения.

Мерло-Понти указывает, что это прочтение неверно. Ни скрытое, ни явное содержание сновидения не являются самодостаточными: если бы скрытый слой был действительно недоступен в явном содержании сновидения вследствие успехов цензуры, сновидение не способно было бы служить целям удовлетворения желания (основная, после охранной в отношении сна, функция сновидения, по Фрейду). Тот, кто смотрит сон, и тот, кто считывает его скрытые смыслы, должны быть одним субъектом, и этот субъект, согласно Мерло-Понти, не представляет из себя двух отдельных «инстанций» (бессознательное и Я, Оно и Эго) – но выступает в промежутке их диалога.

Символизм как субъект диалога инстанций, субъект их расхождения, субъект промежутка, который отличается от сознания как такового и служит целям удовлетворения желания, представляется Мерло-Понти тем решением проблемы бессознательного-сознания, которое позволяет избежать «демонологии бессознательного» (представления о бессознательном как о втором сознании, скрытом от непосредственной рефлексии) и не утратить при этом сущности фрейдовского открытия. Оригинальная модель субъективности, которую представляет онейрический символизм в качестве диалога инстанций, обнаруживает специфические черты собственного функционирования на страницах «Толкования сновидений». Наиболее значимой из них является мультицентричность, сверхдетерминированность всех содержаний, которые составляют ткань сновидения. Сновидение не способно ни явно утверждать, ни явно отрицать что-либо, не способно на выражение логических отношений (и, или, если – то, ...), не способно на производство речи и мысли, подобных бодрствующей речи и мышлению «от первого

лица». В то время как визуальные репрезентации будут испытывать воздействие цензуры – аффекты, как указывает Фрейд, будут присутствовать в открытом, незамаскированном виде, расходясь, таким образом, с явными содержаниями. Само сновидение будет принципиально иметь не одну, но множество подлинных и значимых интерпретаций.

В таком измерении смыслопроизводства, как указывает Мерло-Понти, становится бессмысленным искать «открытого» или «ясно выраженного», точного смысла – не потому, что это измерение является неподлинной сферой игры «воображающего» сознания, но потому, что в модели мультицентричного субъекта само понятие «ясного» как «единоначального», сводимого к единому значению, направленного на один интенциональный объект, теряет свой смысл. В «неделимом единстве»³⁹ символизма как многополярного субъекта смыслопроизводства, по меткому указанию Мерло-Понти, сексуальное (будь то в широком или в узком смысле) как один из базовых ключей к пониманию, предложенных Фрейдом, может одновременно быть сексуальным – и не быть представленным в качестве сексуального, но уже не согласно модели, в которой сексуальное выступает скрытым, подлинным смыслом явного, не-сексуального содержания – а в качестве сверх-детерминации, в соответствии с которой множество смыслов могут быть в равной степени подлинными. В таких обстоятельствах подходящим герменевтическим методом, позволяющим осуществлять толкование, выступает «герменевтическое мечтание [gêverie]»⁴⁰ над материалом сновидения – поскольку такой подход позволяет не сводить сновидение к тому или иному самотождественному высказыванию, но расслышать «систему эхо», которыми «голоса» различных смысловых уровней сновидения отзываются внутри него самого.

Прибегая к знаменитой формулировке Фрейда, в оригинале относившейся к особенностям конституирования смысла и речи в шизофрении⁴¹, Мерло-Понти указывает, что в псевдо-мире сновидческого сознания «слова “сходят за вещи”»: в то время как сами вещи сновидения как продукты работы «сгущения»⁴² представляют

³⁹ Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 154.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Фрейд З. Бессознательное (1915) // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 175.

⁴² О «сгущении» и «смещении» как базовых механизмах смыслообразования на уровне «первичного процесса» см.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Сгущение, смещение // Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. С. 452, 473.

из себя материал высказываний, словесные выражения, задействованные в сновидении, могут выступать в качестве вещей (пример Мерло-Понти: сновидение англичанина, в котором фиолетовый цвет (violet) используется в качестве указания на сексуальное насилие (to violate)).

Бессознательное, специфику функционирования которого обнажает онейрический символизм, не может быть помыслено в качестве второго субъекта, второго *ego cogito*, скрывающегося в глубинах нашего существа⁴³; напротив, бессознательное как «отказ от норм бодрствующего выражения, предполагающих дистанцию⁴⁴ и категориальное мышление» будет располагаться к нам ближе, чем всякое слово и всякая вещь:

...бессознательное не удалено от нас; оно [располагается] близко, в качестве амбивалентности. <...> ...бессознательное как пульсация желания – не за нашей спиной... не позади нас, но целиком в пределах нашего поля, как до-объективное⁴⁵.

Мерло-Понти критикует дескрипции Фрейда, в которых бессознательное предстает в виде инстанции скрытого знания, отделенной от сознания работой цензуры и вытеснения, указывая, что в силу самого наличия сил вытеснения и цензуры мы не можем определить бессознательное в качестве другого сознания, ибо оно представляет собой

...то, чему я сопротивляюсь, то, о наличии чего в себе я осведомлен, в отношении чего я организую свои зоны невидимого. Сознание и бессознательное образуют одно расщепленное существо⁴⁶.

Заключение

Таким образом, уже в лекциях 1954–1955 гг., еще до появления специального терминологического аппарата позднейшего периода, Мерло-Понти с опорой на материалы наблюдений Фрейда

⁴³ Так Мерло-Понти прочитывает интерпретацию «бессознательного», данную самим Фрейдом.

⁴⁴ Имеется в виду дистанция, отделяющая друг от друга слова и вещи, наделяющая смыслом модель истины как соответствия высказывания и вещи.

⁴⁵ *Merleau-Ponty M. The Problem of Passivity. P. 159.*

⁴⁶ *Ibid. P. 160.*

и в контексте разработки феноменологической интерпретации психоаналитического открытия предлагает модель мышления, превосходящую позднейшие разработки. В рамках этой модели отношения сознания и бессознательного обнаруживают характер сетевого субъекта, субъекта «онейрического символизма» как диалога, игры переключек и эхо между инстанциями, принципиально мультиполярного и эксцентричного. Регион онейрического смысла-лопридания выступает той областью, где теряет смысл различие воображаемого и реального, подлинного и ложного, скрытого и явного: будучи насквозь пронизан амбивалентностью, он представляет собой ту сферу, где всякая реальность обладает собственной подлинностью, принимая участие в мультиполярных сетевых взаимоотношениях.

Благодарности

Выражаю глубокую признательность Е. Шестовой за релевантные обсуждения, помощь в редактуре и структурировании исследования.

Acknowledgements

I express my deep gratitude to E. Shestova for relevant discussions, assistance in editing and structuring the study.

Источники

- Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
- Фрейд З.* Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Фирма СТД, 2006. 682 с.
- Фрейд З.* Бессознательное (1915) // Там же. С. 175.
- Merleau-Ponty M.* The Visible and the Invisible. Evanston: Northwestern University Press, 1968. 282 p.
- Merleau-Ponty M.* Nature. Course Notes from the Collège de France. Evanston: Northwestern University Press, 2003. 313 p.
- Merleau-Ponty M.* The Problem of Passivity: Sleep, The Unconscious, Memory // Merleau-Ponty M. Institution and Passivity: Course Notes from the Collège de France (1954–1955). Evanston: Northwestern University Press, 2010. 310 p.
- Sartre J.-P.* L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris: Gallimard, 1940. 246 p.

Литература

- Fóti 2009 – *Fóti V.M.* Chiasm, Flesh, Figuration. Toward a Non-Positive Ontology // Merleau-Ponty and the Possibilities of Philosophy. Transforming the Tradition / Ed. by B. Flynn, W.J. Froman, R. Vallier. N.Y.: State University of New York Press, 2009. P. 183–197.
- Lawlor 2002 – *Lawlor L.* Verflechtung: The Triple Significance of Merleau-Ponty's Course Notes in Husserl's "The Origin of Geometry" // Husserl at the Limits of Phenomenology / Ed. by L. Lawlor, B. Bergo. Evanston: Northwestern University Press, 2002. P. XI–XLII.
- Muller 2017 – *Muller R.* The Logic of the Chiasm in Merleau-Ponty's Early Philosophy // Ergo, 2017. Vol. 4. No. 7. doi.org/10.3998/ergo.12405314.0004.007.

References

- Fóti, V.M. (2009), "Chiasm, Flesh, Figuration. Toward a Non-Positive Ontology", Flynn, B., Froman, W.J. and Vallie, R. (eds.), *Merleau-Ponty and the Possibilities of Philosophy. Transforming the Tradition*, State University of New York Press, New York, USA, pp. 183–197.
- Lawlor, L. (2002), "Verflechtung: The Triple Significance of Merleau-Ponty's Course Notes in Husserl's 'The Origin of Geometry' ", Lawlor, L., and Bergo, B. (eds.), *Husserl at the Limits of Phenomenology*, Northwestern University Press, Evanston, USA, pp. XI–XLII.
- Muller, R. (2017), "The Logic of the Chiasm in Merleau-Ponty's Early Philosophy", *Ergo*, vol. 4, no. 7, doi.org/10.3998/ergo.12405314.0004.007.

Информация об авторе

Глеб И. Демин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; demin94@gmail.com

Information about the author

Gleb I. Demin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; demin94@gmail.com